

Б. П. БАЛАЯН

К МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ НА ВОСТОКЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ РУССКО-ИРАНСКОЙ ВОЙНЫ

После ликвидации наполеоновской угрозы, подавления революций в Европе в 1820—1823 гг. и Эрзерумского договора 1823 г., включившего турок в антирусскую коалицию, британская дипломатия пыталась отвлечь Россию от балканских и ближневосточных проблем.

Когда в конце 1825 г. Европа находилась в состоянии напряженного ожидания русско-турецкой войны, Англия предоставила Ирану военную и финансовую помощь и провоцировала шаха на реваншистскую войну против России, чтобы испугать царя перспективой войны на два фронта и предоставить султану время для реорганизации турецких вооруженных сил. Кроме того, лондонский двор стремился обеспечить наступление английской торговли «на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря»¹.

Царская Россия тоже добивалась своего преобладания на Востоке. Наступая на Турцию, царизм стремился овладеть черноморско-каспийским бассейном, выгодными экономическими и стратегическими позициями и противодействовать встречной английской экспансии. В этой связи в статье показано стремление царской России с помощью миссии Меншикова сохранить мир с Ираном накануне русско-турецкой войны; анализируется деятельность иранской и английской дипломатии, направленная на срыв этой миссии; устанавливается связь между русско-турецкими переговорами в Аккермане

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 9, стр. 13.

и подстрекательской деятельностью Англии и Турции накануне иранского вторжения в Закавказье, а также разоблачается фальсификация истории этих вопросов в современной иранской буржуазной историографии.

* * *

Секретной инструкцией от 8 января 1826 г. Николай предписал князю А. С. Меншикову отправиться на переговоры в Иран.

Только в середине марта Меншиков приехал к Ермолову в станицу Червленную и, пока находился на Кавказе, наследный принц Аббас мирза собрал войска на границе с Талышем, а ереванский сардар Хусейн-хан подтягивал войска к разрушенному селению Мирак, в районе Абарана. 24 апреля, за неделю до того как Меншиков переправился через Аракс, новый английский посол Макдональд высадился в Бушире, чтобы ликвидировать мирную инициативу России и спровоцировать шаха на войну. Обстановка в Индии благоприятствовала миссии Макдональда, так как после закончившейся в феврале 1826 г. англо-бирманской войны Ост-Индская компания получила дополнительные возможности для вооружения и финансирования иранской армии. Ганджинский хан Угурлу, взятый русскими в плен 15 сентября 1826 г., на допросе показал, что Макдональд предоставил Ирану субсидию русско-иранской войны английская Ост-Индская компания требовала в нынешнем году войну с Россией, в противном случае отказывалась продолжать плату и просила возврата уплаченной суммы¹. Таким образом, за полгода до начала второй русско-иранской войны английская Ост-Индская компания дважды предоставила Ирану субсидию на общую сумму в 1 528 000 рублей, а в августе 1825 г. доставила в Исфаган 200 вьюков английского оружия.

Когда Меншиков приехал в Тавриз, за ним была установлена слежка, связь с Россией была прервана, письма русских

¹ По курсу 1826 г. один иранский туман был равен четырем рублям серебром.

² Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1018, оп. 2, д. 109, л. 1, 2.

перехватывались. В пересылаемых через агентов донесениях Меншикова указывалось, что Аббас-мирза за 5 тысяч туманов нанял террориста, который согласился убить Ермолова и с этой целью уже отправился в Дагестан; отмечалось также, что в Иране повсюду собираются войска, а изгнанные из России ханы назначаются предводителями отрядов и неведомо откуда в Тавриз доставляются сотни женских покрывал, симболизовавших упрек в женоподобии их правителей¹. В Азербайджане и других провинциях значительно активизировалась деятельность реакционного мусульманского духовенства. «Все богословы Ирана,— говорилось в обращении шаха к тавризскому муджтехиду Мирза-Ахмеду,— объединенными силами прилагают свои старания, а победоносные войска шаха, находящиеся сейчас в походе, в скором времени будут украшать собой страны Российские»².

Как и следовало ожидать, Аббас-мирза обращался с Меншиковым подчеркнуто холодно: не хотел вести переговоров о границах, говорил, что от него ничего не зависит, что он всего лишь исполнитель воли шаха, а сам в это время рассылал войскам секретный фирман быть готовыми к походу³ и собирал подписи мулл под обращением, призывающим шаха начать против России «священную» войну⁴.

Убедившись в бесполезности пребывания в Тавризе, Меншиков отправился к шаху. Аббас-мирза неожиданно обогнал посла в дороге. Отправленный по его следам переводчик Шамир установил, что наследный принц был срочно вызван в Султанье, на созываемое шахом секретное совещание⁵. Впоследствии выяснилось, что на это совещание был приглашен и британский поверенный в делах Генри Виллок, который заблаговременно отправился в Тегеран и сопровождал шаха в его поездке в Султанье. Чтобы склонить Каджаров к войне, Ост-Индская компания не ограничилась угрозой прекратить

¹ Акты Кавказской Археологической комиссии (АКАК), т. VII, № 632, стр. 348.

² АКАК, т. VII, № 631, стр. 348.

³ Центральный государственный архив военно-морского флота в Ленинграде (ЦГАВМФ), ф. 19, оп. 4, д. 465, л. 2 об.

⁴ АКАК, т. VII, № 637, стр. 350.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 465, л. 2 об.

выдачу новых и потребовать возврата уплаченных субсидий. «В июне 1826 г.,— сообщает английский историк Александер,— зависимый от Англии флот имама Маската угрожал в Персидском заливе порту Буширу»¹. Эти морские маневры не случайно проходили накануне совещания в Султанье. Англия неоднократно прибегала к подобным угрозам в Персидском заливе, когда хотела оказать давление на правительство шаха. Кроме того, английские дипломаты внушали Каджарам, будто «миссия Меншикова доказывает слабость России и недоверие Николая к Ермолову»², а Г. Виллок и английский офицер Шил говорили шаху, что восстание декабристов «сильно потрясло могущество России»³, и умалчивали при этом, что ослабление военного потенциала России не имело существенного значения для соотношения русских и иранских вооруженных сил.

За два дня до первой аудиенции Меншиков вел переговоры с иранскими министрами о церемониале предстоящего приема. Сопровождавший посла полковник Ф. Бартоломей свидетельствует, что накануне войны шах не хотел принять русскую миссию с почестями, хотя и собирался соблюсти нормы дипломатического этикета, чтобы не открыть русским своих планов и не лишиться хрустальной кровати и других подарков, посланных ему Николаем⁴. Меншиков все же договорился, чтобы на аудиенции шах собственноручно принял грамоту царя. Однако на приеме 22 июня, когда Меншиков хотел передать эту грамоту шаху, последний сидел сложа руки и грамоту не брал. Бартоломей рассказывает, что «князь, видя это, протянул руку с письмом и, коснувшись почти шахской бороды, собирался положить на его колени, как один из министров подошел и подхватил грамоту почти с шахского брюха»⁵.

¹ I. E. Alexander, *Travels from India to England comprehending a visit to the Birma Empire and a journey through Persia, Asia Minor, European Turkey in the years 1825—1826*. L. 1827, p. 93—94.

² «Русский архив», 1889, кн. 4, стр. 583 (Записки Муравьева).

³ ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 90, л. 16.

⁴ Ф. Ф. Бартоломей, *Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 г.*, «Русская старина», май 1904, стр. 301.

⁵ Там же, стр. 301, 303.

На первой аудиенции территориальные претензии Ирана не обсуждались и, как видно, неслучайно, так как в тот же день шах созвал совещание, принявшее окончательное решение о войне¹. Кабальная зависимость Ирана от британской внешней политики, установленная еще в 1814 г. англо-иранским договором, убедительно подтвердилась и на этот раз. Во всяком случае, иначе трудно объяснить присутствие английского дипломата Г. Виллока на сугубо секретном, иранском совещании. Парадоксальным было и выступление Виллока на этом совещании. Когда выяснилось, что охваченное угаром реваншизма большинство настаивает на войне и никто не может не допустить такого решения и переубедить Аббас-мирзу и первого министра Аллахяр-хана, Виллок вырядился в тогу миротворца и выступил против мнения большинства. Эта, на первый взгляд, странная метаморфоза в позиции британского поверенного в делах была мишенью резких нападок иранских историков. «Политика Виллока,— замечает проф. М. Махмуд,— только и заключалась в создании разногласий и конфликтов с правителями Ирана»². Нетрудно заметить, что в данном случае разногласия были только условными, так как британская дипломатия, с одной стороны, провоцировала Иран на войну против России, а с другой — создавала впечатление прочности англо-русского союза. Именно поэтому Виллок, как дипломат, не мог открыто присоединиться к требованию о войне, хотя и подготовил это решение. «В одной политике Виллок играл две роли,— метко заметил проф. Бина,— в Султанье предлагал шаху сохранить с Россией мир, в то время как в Тавризе его представители Кормик, Макниль и Гарт толкали Аббас-мирзу на войну против России»³. С этим трезвым заявлением буржуазного историка нельзя не согласиться. Кстати, дипломат Виллок достаточно скомпрометировал себя еще в январе 1826 г., когда вместе со своим братом

¹ Центральный государственный военно-исторический архив в Москве (ЦГВИА), ф. 446, д. 3, л. 16; ф. 11, л. 21—23 и ф. ВУА, д. 4329, л. 97.

² محمود محمود 'تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس در قرن نوزدهم میلادی'، جلد اول، چاپ دوم، سال ۱۳۳۶، ص ۱۹۰.
³ علی اکبر بیضا، استاد تاریخ ایران دانشکده ادبیات تهران، 'تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران'، جلد اول، (چاپ اول) ۱۳۳۳، تهران ۱۹۳ ص

Эдуардом Виллоком доставил шаху из Калькутты 728 тысяч рублей¹.

Для выяснения позиции Г. Виллока на совещании в Султане не менее важное значение имеют его донесения британскому министру иностранных дел Джорджу Каннингу и вице-королю Индии лорду Амхерсту, которому накануне войны были переданы относящиеся к Ирану дела. В этих донесениях говорится о русской угрозе Индии в связи с продвижением России в Средней Азии, что, по мнению иранских историков, было открытым призывом к принуждению Ирана к войне против России, чтобы таким путем отвлечь русские войска от Индии² и ослабить Иран³. В другом секретном донесении на имя Каннинга Г. Виллок хвастался, что «в результате его деятельности, после прибытия Меншикова в Тавриз один иранский чиновник, наделенный полномочиями Аббас-мирзы, был отправлен в Тегеран, чтобы уговорить шаха объявить России войну»⁴. Это важное, во многих отношениях, донесение Виллока разоблачает не только агрессивные планы Аббас-мирзы, но и двуличную политику Англии, которая выставляла себя поборницей мира, а в действительности толкала Каджаров на войну. «Две роли Виллока в одной политике», которые осуждал проф. Бина, наглядно выявились в июле того же года, после совещания у шаха. Разыгрывая непритядную роль двуликого Януса, Г. Виллок специально искал встречи с Меншиковым, чтобы сообщить ему о своей позиции на секретном совещании. Заключительный акт этой бутафорной комедии был разыгран Каннингом. В письме из Парижа от 13 октября 1826 г. руководитель британской внешней политики уверял русского посла в Лондоне Х. А. Ливена, что «Персия начала военные действия, невзирая на величайшие усилия английского поверенного в делах, употребленные им для избежания решения, столь же безрассудного, сколь и неприятного...»⁵.

¹ АКАК, т. VI, ч. 2, № 617.

² علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران...، ص ۱۹۶

³ محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۲۳۴

⁴ علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران...، ص ۱۹۲

⁵ Архив внешней политики России (АВПР), ф. МИД, Канцелярия, д. 6958, л. 28, об. 29.

После того как на совещании у шаха было принято решение о войне, данная Меншикову вторая аудиенция была обращена в постыдный фарс. Выступивший вначале Меншиков напомнил, что по его инициативе русские подразделения ушли из урочища Мирак и этим предупредили столкновение с отрядом эриванского сардара, который, несмотря на фирман Аббас-мирзы, не отвел своих войск от озера¹. Далее посол указал на целесообразность обмена русской части области Мегри на занятую русскими прибрежную полосу Севана, а также объявил об уступке Ирану небольшой территории в Талыше, южнее реки Бусей. Шах ответил послу, что эти вопросы неоднократно обсуждались и остались нерешенными потому, что подчинены главному вопросу — уступке Ирану всего Талыша. Имеете ли вы, господин Меншиков, полномочия сделать эту уступку?² Было очевидно, что в компромиссных предложениях Меншикова шах усматривал слабость России и ее неспособность отстоять свои владения в Закавказье³. Меншиков ответил, что не имеет на это полномочий. Тогда послу показали письмо графа Нессельроде, адресованное иранскому министру иностранных дел, где в частности указывалось, что Меншиков наделен широкими полномочиями⁴. Это письмо поставило посла в затруднительное положение, несмотря на то, что в принципе уже было поздно и невозможно достигнуть соглашения. Талыш теперь интересовал Каджаров неизмеримо меньше, чем перспектива завоевания всего Закавказья; перспектива, в которую они продолжали верить, несмотря на всю ее абсурдность, и в связи с этим изо всех сил раздували военную истерию. Иранский военный историк Голам Хусейн Моктадер отмечает, что в то время, когда Меншиков находился в Султанье, «Иран был охвачен паническим ожиданием войны»⁵, а

¹ Подробные данные о переговорах Меншикова в Иране см. ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 455 («Переписка Меншикова с шахом, наследником и высшими чиновниками»), а также ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 453 («О пограничном споре между Россией и Персией в посольстве Меншикова»).

² علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران، ...، ص ۱۹۰.

³ А. В. Фадеев, Россия и Кавказ первой трети XIX в., М., 1960, стр. 204.

⁴ АКАК, т. VII, № 637, стр. 350.

⁵ غلام حسین مقتدر، تاریخ نظامی ایران، تهران، ۱۳۱۷، ص ۲۹۰.

проф. Бина объясняет причины этого напряжения тем, что в то время «...восторжествовала политика Аббас-мирзы, находившегося под влиянием англичан Кормика и Гарта»¹.

После второй аудиенции шах отказался продолжать переговоры с Меншиковым. Дальнейшие связи с послом должен был осуществлять Аллахяр-хан, который начал с того, что приставил к Меншикову под видом охраны, а в действительности для надзора, одного из секретарей наследного принца Мирза-Исмаила, затем оцепил посольский лагерь караулом, после чего никто не мог выйти из лагеря без сопровождения вооруженных сербазов². В этих условиях Меншиков рассчитывал оттянуть переговоры до зимы, чтобы выиграть время для усиления русского корпуса³, однако он вскоре убедился, что из посла постепенно превращается в пленного; что Каджары лишили его связи с Петербургом для того, чтобы, прикрываясь переговорами, скрытно сосредоточить войска на границе для внезапного нападения. 5 июля Меншиков уже настаивал, чтобы его вернули в Россию. Ответ Аллахяр-хана был составлен в духе ультиматума: «Мы ожидали,— говорилось в его памятной записке,— что со вступлением на престол нового императора споры прекратятся наилучшим образом. Однако этого не случилось. Вопреки письму Нессельроде, в котором отмечалось, что Вы наделены всеми полномочиями, на второй аудиенции выяснилось, что Вы полномочий не имеете. При этом упоминание о содержании письма Нессельроде Вас крайне удивило. Просим явиться на конференцию для рассмотрения претензий пограничных начальников и решить все вопросы»⁴.

Предложение о созыве конференции было сделано для удержания Меншикова в Султанье. Кстати, об этой конференции стало известно только к исходу 7 июля, после того как Аббас-мирза возвратился в Тавриз и за день до отъезда шаха в Ардебиль. С той же целью — удержания Меншикова шах

¹ علی اکبر بیّنات، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران...، ص ۱۹۰.

² В. Потто, Кавказская война, т. III, СПб, 1886, стр. 26.

³ АКАК, т. VII, № 630, стр. 348 и № 633, стр. 350.

⁴ Там же, № 637, стр. 350 (Аллахяр-хан—Меншикову от 7 июля 1826 г.).

перед отъездом уполномочил Г. Виллока вести переговоры с русским послом. Об этом беспрецедентном в дипломатической практике случае Г. Виллок информировал лондонский двор¹, затем заявил Меншикову, будто ему удалось уговорить шаха отказаться от похода и возобновить переговоры². Эта ложь раскрылась довольно быстро, так как через неделю иранские войска напали на Россию. Отметим еще, что, встретившись с Меншиковым, Виллок не сказал ему о поручении шаха, которого он собирался заменить на переговорах и который в тот же день 9 июля выехал в Ардебиль, а Меншиков, в свою очередь, разрушил эти планы Виллока тем, что спешно выехал на родину. После этого британскому поверенному в делах ничего не оставалось, как уехать по следам Фатх-Али-шаха. Обоих дипломатов война застала на дороге. В Эриване сардар Хусейн-хан любезно пригласил Меншикова и его свиту в свою живописную загородную дачу на берегу Занги и оттуда, под разными предлогами, не отпускал больше месяца. Меншиков жаловался на притеснения своих тюремщиков и когда был отпущен, сардар сделал все, чтобы посольство перебили по дороге³. К счастью, Меншикову удалось узнать о происках Хусейн-хана и об этом сообщить Ермолову через полковника Бартоломея, который тайно от персов отправился на поиски своих войск и обнаружил их у Гергер⁴. Не подавая виду, что знает о намерении сардара, Меншиков вышел на Эчмиадзинскую дорогу. Отсюда он резко изменил направление и ближайшей дорогой, через Талыш и Амамлы, устремился к Большому Караклису. В пути «Меншиков и его свита наблюдали тлеющие руины сожженных армянских селений и встречали угоняемых в рабство пленных»⁵.

Кавалеристы эриванского сардара, сторожившие посла в Дилижанском ущелье, опомнились поздно. Все же они понес-

¹ علی اکبر بیّنات، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران...، ص ۱۹۷.

² П. Зубов, Персидская война в царствование Николая I, СПб, 1837, стр. 18.

³ Отдел рукописей Всесоюзной государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОРБЛ), ф. Киселева, IV, п. 29, № 1, л. 100.

⁴ Ф. Ф. Бартоломей, Посольство князя Меншикова в Персию в 1826 г., «Русская старина», май 1904, стр. 316.

⁵ ОРБЛ, ф. Киселева, IV, п. 20, № 1, л. 100.

лись в погоню и настигли посольство в Джалал-оглы, где были отброшены русским отрядом.

Чудом спасшегося Меншикова Николай наградил «Алмазными знаками ордена святой Анны первой степени»¹.

* * *

Едва вступив на престол, Николай I объявил, что в восточном вопросе будет продолжать, «но не повторять с самого начала» политику своего предшественника². Подобно Александру I, он заявил также, что, не спрашивая Европу, начнет войну против султана и покончит с Османской империей, если Порты не уступит его требованиям³.

Расправа над декабристами закрепила за Николаем репутацию «железного царя», поэтому, опасаясь быстрых и решительных действий петербургского двора, Каннинг спешил опередить Николая и не допустить его выступления на Балканах и в Западной Армении и в связи с этим в феврале 1826 г. отправил в Петербург герцога Веллингтона⁴.

17 марта 1826 г., когда англо-русские переговоры в Петербурге были в разгаре, Николай I тайно от Веллингтона отправил султану ультиматум, в котором потребовал реставрации автономных учреждений в дунайских княжествах и возвращения Сербии привилегий, предусмотренных Бухарестским договором. Царь еще потребовал, чтобы Турция отправила на русскую границу своих представителей для переговоров.

4 апреля 1826 г. в «величайшей тайне», которая продержалась не больше нескольких месяцев, был подписан так называемый Петербургский протокол по греческому вопросу.

В современной буржуазной иранской историографии этот Петербургский протокол считают главной причиной второй

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, коллекция 642, л. 4.

² История XIX в. под ред. профессоров Лависса и Рамбо. М., 1938, стр. 193—194.

³ А. Деbidур, Дипломатическая история Европы, т. 1, перевод с французского, М., 1947, стр. 254.

⁴ В прошлом Веллингтон был губернатором индийского княжества Майсор, государственным секретарем по делам Ирландии, британским послом в Париже и главнокомандующим союзными войсками против Наполеона. В 1828 г. Веллингтон—премьер-министр Англии.

русско-иранской войны и поражения Ирана. «Внешне,— утверждает М. Махмуд,— последняя русско-иранская война произошла из-за пограничных споров. Однако имеется связь между секретно подготовленными планами раздела Османской империи и Ирана, осуществленных почти в одно и то же время, для одной и той же цели. Именно для решения этих вопросов лорд Веллингтон был отправлен в Петербург»¹. Далее М. Махмуд утверждает, что «споры на русско-иранской границе были таким же поводом к войне, каким был греческий вопрос для войны против Османской империи»², и приходит к выводу, что «Англия и Россия договорились о том, что если русские отодвинут свои границы до Аракса, то в этом вопросе они не встретят возражений Лондона, так как английское правительство тоже наметило территории, которые захватило впоследствии»³.

Между тем в Петсрбургском протоколе от 4 апреля 1826 г., равно как и в Лондонской конвенции 1827 г., заменившей и расширившей этот протокол, Иран ни разу не упоминался. Незадолго до нападения Ирана на Россию султан принял основные пункты царского ультиматума по балканскому вопросу и отправил в Аккерман двух уполномоченных, чтобы выработать с представителями царя окончательный договор. Этим султан рассчитывал получить возможность беспрепятственно расправиться с греческим восстанием и завершить начатые им внутренние преобразования. Уже 28 мая он издает декрет о реорганизации по европейскому образцу корпуса янычар. В то же время султан не мог не учитывать те выгоды, которые могла доставить Турции надвигавшаяся русско-иранская война. Именно поэтому он давал советы тегеранскому двору и, несомненно, делал все, чтобы сделать войну неизбежной⁴.

В планах Махмуда II новая война Ирана против России должна была отвлечь русские войска от Балкан и Западной Армении. Впрочем, этим планам не суждено было сбыться, так как недовольные султаном янычары подняли восстание.

¹ محمود محمود: تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس...، ص ۱۹۲

² Там же, стр. 195.

³ Там же, стр. 196.

⁴ А. Дебидур, Дипломатическая история Европы..., стр. 259.

15 июня 1826 г. в Константинополе восставших расстреливали картечью. В 24 часа была уничтожена эта бесславная армия недисциплинированных солдат. В итоге за одни сутки султан оказался в положении полководца без армии. Несмотря на это, перед открытием конференции в Аккермане турецкие агенты в Иране и Закавказье распространяли ложные слухи, будто на русской границе сосредоточен 10-тысячный турецкий корпус, готовый начать против России войну. Каджары поверили в эту дезинформацию Порты, и можно не сомневаться, что принятое Ираном решение о войне в определенной мере было основано на этом обмане турецкого султана. Таким образом, в середине июля 1826 г., или через месяц после разгрома янычар, Махмуд II сумел убедить Фатх-Али-шаха в том, что собирается восстать против России. Между тем даже в октябре новая, но еще слабая армия султана не позволила ему отказаться от заключения Аккерманской конвенции. Заметим еще, что о переговорах в Аккермане Каджары узнали после того как сами начали войну. Произошло это отчасти от того, что в этом были крайне заинтересованы турецкие и английские дипломаты, разжигавшие русско-иранскую войну.

Британское правительство добивалось, чтобы Иран начал войну против России накануне или одновременно с открытием Аккерманской конференции, чтобы Каджары не передумали и начали войну уверенными в том, что турки будут их союзниками. Именно поэтому английские дипломаты всячески скрывали от шаха все, что касалось разгрома янычар, русского ультиматума от 17 марта, Петербургского протокола от 4 апреля и переговоров в Аккермане. С помощью войны в Закавказье Каннинг стремился ослабить требования России на переговорах. Находившийся в сентябре 1826 г. в Петербурге А. Веллингтон откровенно писал бывшему английскому послу в Иране Макдональду; что «нападение персов по-видимому сделает Россию более умеренной в Аккермане»¹. Кроме того, используя временные успехи иранской армии в начале войны, Англия ориентировала турецких дипломатов на саботаж русско-турецких переговоров для того, чтобы предоставить султану время для создания новой армии, подготовки к войне

¹ W. Monteith, Kars and Erzeroum, London, 1856, p. 132.

против России, а также для решения португальской проблемы. Все это проливает свет на цели и формы координации британской внешней политики на Востоке.

Таким образом, существовала связь между нападением Ирана на Россию и переговорами в Аккермане. В свое время на это указывал и Носков, сопровождавший Меншикова в его поездке к шаху. По его мнению, Иран рассчитывал на срыв переговоров в Аккермане и выступление Турции, а Англия — на продолжение переговоров и выступление Ирана¹.

* * *

В последние годы иранские исследователи все чаще обращаются к истории второй русско-иранской войны, завершившей присоединение Закавказья к России, и все более решительно пересматривают прежние концепции иранской историографии. Основные направления этого нового курса, разработанные в тегеранском и тавризском университетах, почти не изучены.

Автор «Дипломатической и политической истории Ирана» профессор Бина отмечает, что «англичане, для того чтобы разжечь эту войну и привязать русские армии к северо-западным границам Ирана, оказывали на Каджаров сильнейшее давление. Таким путем Англия стремилась отвлечь внимание царского правительства от Индии и восточных границ Ирана. Эти взгляды, — отмечает Бина, — были высказаны Джоном Малькольмом в его секретных мемуарах»². Аналогичные высказывания встречаются и в многотомном исследовании «Англо-иранских политических отношений в XIX в.» проф. М. Махмуда. Ссылаясь на книгу Ричарда Лоджа «Новая история Европы», М. Махмуд считает, что «после того, как могущественная Россия распространила в Азии колоссальное влияние, Англия уничтожила в Европе «Священный союз» с тем, чтобы использовать русские армии для ослабления Ирана

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, Коллекция 444, д. 3, л. 4 об.

² علی اکبر بینا، تاریخ سیاسی و دیپلوماسی ایران... ص ۱۹۶

и Турции»¹. «Английские источники,—поясняет далее автор,— доказывают, что Англия не хотела допустить, чтобы с Индией граничило сильное, влиятельное государство. Именно поэтому для ослабления Ирана Англия использовала Россию, как орудие своей политики, и спровоцировала вторую русско-иранскую войну, которая благодаря безнадежной слабости иранской Армии закончилась победой России»². В этой связи М. Махмуд указывает на главные, по его мнению, итоги англо-русской политики на Востоке: «Чтобы отвлечь Россию и Иран от Индии и с этой же целью ослабить Иран, а Турцию ослабить для того, чтобы она не уничтожила Грецию, Англия и Россия привлекли на свою сторону Францию и разбили турецко-египетский флот в Наваринском сражении. Затем Англия санкционирует продвижение русских армий до Аракса в войне с Ираном и до Карса в войне с Турцией. Впоследствии, когда дальнейшее продвижение русских в Турции угрожало разгромом Османской империи, а продвижение русских от Тавриза к Тегерану и в Средней Азии угрожало безопасности Индии, Англия вместе с другими государствами приостанавливает дальнейший натиск России заключением Туркманчайского и Адрианопольского договоров»³. Главными организаторами этой политики М. Махмуд считает Каннинга, а также Веллингтона, который «в 1826 г. подписал в Петербурге соглашение с царем, а через два года стал премьер-министром Англии и не препятствовал намерениям России»⁴. В другом месте М. Махмуд утверждает, что «Англия развязала руки России для ослабления Ирана и Турции, однако об этом она ничего не сообщила России. И пока в Петербурге разобрались в английской политике, русские войска продвинулись в глубь Азии, что создавало новую угрозу безопасности Индии со стороны России»⁵. «С тех пор,—отмечает далее М. Махмуд,—англо-русские противоречия усиливались, каждая из них проводила свою политику в Азии, а все последующие несчастья

¹ محمود محمود، تاريخ روابط سياسي ايران و انگليس، ص ۲۳۴.

² Там же, стр. 233—234.

³ Там же, стр. 197, 234.

⁴ Там же, стр. 197.

⁵ Там же, стр. 233—234.

Ирана и Турции были вызваны англо-русской борьбой на Востоке. Борьба эта,— заключает М. Махмуд,— продолжалась до тех пор, пока Николай I понял, что вражда России с Ираном заканчивается к выгоде Англии. Поэтому Россия улучшила свои отношения с Ираном, в чем можно было убедиться после убийства А. С. Грибоедова¹.

Политику английского правительства, «направленную на ослабление Ирана и Турции», М. Махмуд называет «политикой мирового господства, благодаря которой могущественные державы стремились удержать в своих руках слабые государства»². В этой связи М. Махмуд цитирует высказывания английских историков, в основном бывших английских дипломатов в Иране — Джонса и Малькольма, которые осуждали британское министерство иностранных дел за то, что «Англия,— по их словам,— связала Иран по рукам и ногам и несмотря на Англо-иранский договор 1814 г., принесла Иран в жертву Санкт-Петербургскому двору»³.

М. Махмуд горько сожалеет, что Каннинг не прислушался к этим, по его мнению, трезвым голосам и, повторяя версию британского дипломата и историка Гренвилля, приходит к выводу, что «Каннинг был тайно связан с русскими»⁴, что «в душе британского министра сидело огромное несчастье в образе чарующей, дьявольски соблазнительной жены российского посла Дарьи Христофоровны Ливен»⁵.

Ссылаясь на книгу английского историка Джона Вильямки «Войны Афганистана», М. Махмуд указывает, что «для всех политических партий Англии было ясно, что Каннинг, находясь под сильнейшим влиянием этого пленительного ди-

¹ Там же, стр. 235.

² محمود محمود، تاريخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۱۹۹

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 197.

⁵ Там же, стр. 199. Репутация Дарьи Христофоровны Ливен (1785—1857) установилась после Аахенского конгресса 1818 г., когда началось ее сближение с Меттернихом. Будучи хозяйкой политического салона в Лондоне, она установила тесные связи с английским королем Георгом IV, Кестльри, Каннингом и Греем. Это позволило русскому правительству пользоваться ее услугами для получения нужной информации и организации различных интриг в политических кругах Англии.

пломата, сознательно прибегал к различным уловкам, чтобы уйти от договорных обязательств Англии по отношению к Ирану»¹ и что «благодаря Дарье Ливен, этой умнейшей, по его словам, женщине в Лондоне и первоклассной разведчице российских императоров, Каннинг отправил в Петербург Веллингтона и подписал с царем секретный протокол, по которому Россия получила возможность предпринимать на Востоке любые шаги»².

В отличие от М. Махмуда, исследователь «Русско-иранских отношений в первой половине XIX в.» проф. Тавризского университета Ахмед Таджбахш упрекает Каджаров за то, что они «болезненно реагировали на продвижение русских в районе озера Севан и, начав войну, лишили себя огромной территории в Закавказье»³. Он осуждает и шаха за то, что «тот не мог понять, что Иран намного слабее России, которая разбила наполеоновскую Францию, и в надежде на английскую помощь начала против русских войну»⁴, а также за то, что «после убийства А. С. Грибоедова в политике царя шах неведомо откуда усмотрел слабость России и даже собирался начать против нее третью войну», которая, по мнению Таджбахша, «хорошо, что не началась, так как закончилась бы потерей всего Азербайджана»⁵. Это, однако, не помешало тавризскому профессору восхищаться «патриотизмом» Каджаров, которые, по его словам, «быстро и решительно отвечали на любые выпады русских», и сожалеть, что эта «борьба неравных сил неминуемо должна была привести к поражению слабого, надеющегося на чужую помощь Ирана»⁶. «Каджаров нельзя осуждать!» — восклицает доктор Таджбахш и далее сожалеет, о том, что «в Иране тогда не было радио, а связь была настолько ничтожной, что даже о Тильзитском договоре в Тегеране узнали через несколько месяцев»⁷.

1 محمود محمود، تاریخ روابط سیاسی ایران و انگلیس...، ص ۱۹۹

2 Там же, стр. 197.

3 احمد تاج بخش، روابط ایران و روسیه در نیمه اول قرن نوزدهم،
تهران، ۱۳۳۷ ص ۱۷۴

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же, стр. 176.

Венцом аналитического творчества Таджбахша является его заявление о том, что в 20-х годах XIX в. не было Организации Объединенных Наций, которая могла бы защитить права и независимость малых народов. Далее автор отмечает, что «Англию никогда не интересовали проблемы иранской безопасности, и если какое-нибудь государство хотело Ирану помочь, то делало это только для того, чтобы соблюсти свои собственные выгоды, которые совпадали с интересами Ирана»¹.

Анализируя преобладающие в иранской историографии мнения историков, проф. Али Акбар Бина приходит к выводу, что «Иран был жертвой европейской политики»², и замечает в связи с этим, что сперва Наполеон превратил Иран в раба своей политики в Тильзите³, а потом Англия принесла Иран в жертву для «обеспечения безопасности Индии: прикрываясь ложной дружбой, толкнула Иран на съедение России, а потом на войну с Афганистаном»⁴.

¹ احمد تاج بخش، روابط ايران و روسيه... ص ۱۷۶—۱۷۵

² على اكبر بينا، تاريخ سياسى و ديپلوماسى ايران... ص ۱۷۴

³ Тильзитский договор был нарушением подписанного в Финкенштейне франко-иранского соглашения. Поэтому французская дипломатия пыталась убедить Каджаров, что союз с Россией вызван временными дипломатическими соображениями, и что Франция вернет Ирану Грузию. Наполеон написал еще шаху, что Иран не упоминается в Тильзитском договоре потому, что посол шаха при подписании этого договора не присутствовал. Эту версию Наполеона повторяют иранские историки проф. Аббас Эгбал (عباس اقبال، تاريخ مفصل ايران از استيلاي مغول تا انقراض قاجاريه تهران، ۱۳۲۰، ص ۳۶۵)

» проф. М. Махмуд (محمود محمود، تاريخ روابط سياسى ايران و انگليس، ص ۷۵)

Между тем в фонде Воронцовых Архива ЛОИИ АН СССР— (переплет 291, л. 141—141 об) хранится рукопись П. Дивова, руководившего с 1805 до 1820 гг. секретным отделом МИД России. В этой рукописи приведены три совсекретные статьи Тильзитского договора. Во второй из них указывается: «Франция отказывается от своего посредничества как по отношению к Турции, так и по отношению к Персии, предоставляя воюющим странам устраивать свои дела самим». Таким образом, Тильзитский договор гарантировал невмешательство Франции в русско-иранские отношения (Б. Б.).

⁴ على اكبر بينا، تاريخ سياسى و ديپلوماسى ايران... ص ۲۴۷

Нетрудно заметить, что общее, доминирующее направление концепций иранских ученых связано с разоблачением экспансионистской политики Англии на Востоке. Этот новый курс иранской историографии тесно связан с ростом антиколониального и национально-освободительного движения на Востоке. Не отрицая трезвого подхода иранских историков при освещении ряда рассмотренных вопросов, отметим, что новый курс иранской историографии не избавлен и от ошибочных тенденций. Нельзя, например, согласиться с иранскими историками, которые пытаются объяснить и оправдать агрессию Ирана только английским вмешательством и подстрекательством, а также версией о несамостоятельности восточной политики царской России, которая, в иранской интерпретации, слепо выполняла волю британского правительства в отношениях с Ираном и Турцией.

Несостоятельность этой тенденции, отгораживающей Каджаров от всякой ответственности за начатую ими войну против России, вполне очевидна.

Неверным является и утверждение иранских ученых о том, что Англия с помощью русских армий будто стремилась ослабить Иран для того, чтобы обеспечить безопасность Индии от иранской угрозы. Навряд ли Ост-Индская компания опасалась нападения иранской армии, которую сама вооружила и финансировала.

Столь же тенденциозными являются заявления иранских историков о том, что Англия спровоцировала Иран на войну для того, чтобы привязать русские армии к Закавказью и таким путем ствлечь их от Индии. Усилиями советских и индийских историков доказано, что никакой реальной угрозы Индии со стороны России не существовало, а шумихой о «русской угрозе» Англия стремилась отвлечь внимание мировой общественности от агрессивных акций английских колонизаторов в Азии.

Известно, что иранский вопрос рассматривался британскими дипломатами как подсобный по отношению к греческой и турецкой проблемам. Это обстоятельство не нашло сколько-нибудь объективного отражения в иранской историографии. Вследствие этого подстрекательская деятельность султанской Турции, добивавшейся русско-иранской войны для того, чтобы

отвести от себя угрозы России, осталась невыясненной или, скорее всего, сознательно умалчивается иранскими исследователями. Важность этой проблемы нельзя недооценить.

С другой стороны, произвольное толкование Петербургского протокола от 4 апреля 1826 г., целиком посвященного греческой проблеме, привело иранских историков к субъективной оценке британской внешней политики при Каннинге и Веллингтоне, гиперболизации влияния графини Ливен на эту политику, а также к ложной версии о существовании англо-русского плана раздела Ирана и Турции.

Анализ персоязычных источников и материалов Архива внешней политики России показал, что на деле существовал тайный сговор иранских реваншистов с их британскими покровителями в вопросе координации дипломатической деятельности в годы второй русско-иранской войны. Когда в первые месяцы этой войны реорганизованная английскими офицерами иранская армия оккупировала северный Азербайджан, официальный Лондон и Ост-Индская компания, обычно реагиовавшие на любое, сколько-нибудь заметное политическое событие на Востоке, на этот раз хранили молчание. Для этого было немало причин, так как в период временных успехов иранской армии дипломатическое наступление России против Порты было приостановлено, турецкая делегация саботировала переговоры в Аккермане, царизм затормозил свою активность на Балканах, в Средней Азии и, избегая второго фронта, отложил войну против Турции. С помощью Ирана Англия стремилась выиграть время, необходимое султану Махмуду II для реорганизации турецкой армии. Поэтому, соблюдая видимость невмешательства в русско-иранскую войну, Англия поощряла иранских реваншистов.

Так продолжалось до первых чисел сентября 1826 г., когда блестящая шамхорская победа войск генерала Мадатова, положившая начало контрнаступлению русского корпуса, ликвидировала заговор молчания, организованный Каннингом на время иранского наступления. После этой битвы английское правительство все более настойчиво стремилось навязать России свое посредничество с целью недопустить продвижения русских войск в глубь Ирана и восстановить границы Гюлистанского договора. Нельзя не обратить внимание и на оши-

бочность оценки русско-иранских и англо-русских отношений в 1829 г. После убийства А. С. Грибоедова Россия улучшила свои отношения с Ираном вовсе не потому, что, как утверждает проф. М. Махмуд, «Николай I понял, что англо-русская борьба на Востоке обычно заканчивалась к выгоде Англии», а потому, что Россия в то время воевала с Турцией и нуждалась в нейтралитете Ирана, чтобы избежать второго фронта на Среднем Востоке. Кроме того, Туркманчайский договор 1828 г. удовлетворил претензии царской России, обеспечил ее экономическое и политическое преобладание в Иране и значительно подорвал влияние Англии.

Нельзя согласиться и с иранской оценкой причин, приведших к развалу «Священного союза», который, по мнению иранских историков, был разрушен Англией для того, чтобы предоставить России возможность ослабить Иран путем продвижения русских армий до Аракса. Контрреволюционный «Священный союз» был взорван революционным движением в европейских странах, на Балканах, а также восстанием декабристов. Что же касается крутого поворота политики Каннинга, признавшего эти революции, то это было вынужденным признанием крушения международной контрреволюционной организации, каким был «Священный союз», и провалом собственных архиреакционных концепций британского министра иностранных дел.

Также тенденциозно освещаются в иранской историографии повод и причины, приведшие ко второй русско-иранской войне. Споры на границах действительно были поводом к этой войне. Однако они послужили поводом не для России, которая, по иранской версии, будто получила у Англии санкцию и отодвинула свои границы до Аракса. Эти пограничные споры были инспирированы Ираном для нападения на Россию. Еще в январе 1827 г. русский посол в Лондоне Х. А. Ливен в беседе с Д. Каннингом обвинил Англию в подстрекательстве Ирана к войне. «Если верить Персии,— указывал русский посол,— что Россия только и хотела посредством провокаций, которые ей приписывают, вызвать войну, которую она могла бы использовать в своих интересах, то при этом предположении русское правительство было бы в состоянии, по крайней мере, отразить первую атаку, тогда как, напротив, общеизвестно,

что оно не ожидало никакого внезапного нападения»¹. Ливен заметил еще Каннингу, что Англо-иранский договор 1814 г. послужил причиной войны, ибо он «поощрял тегеранский двор вступить в войну, из которой надеялся выйти без всякого ущерба»². «Персия воспользуется любым удобным случаем,— заявил посол,— чтобы напасть на Россию, ибо она уверена, что английские субсидии не замедлят попасть в персидскую казну и что в случае неминуемой опасности она может спрятаться за спиной Англии»³.

Ложная версия о том, что Россия спровоцировала Иран на эту войну, имела широкое хождение в Германии и других европейских странах. В этой связи большой интерес представляют замечания В. И. Ленина в «Тетрадах материалов о Персии» о второй русско-иранской войне, сделанные на книгу гамбургского проф. Т. Егера «Персия и персидский вопрос».

Лаконичная запись В. И. Ленина: «Война Персии с Россией (которая так же де втянула Персию в войну, как Англия буров в 1899 г.)»⁴, высмеивает проф. Егера за то, что тот пытался доказать, будто Россия втянула Иран в войну против России, т. е. против самой себя. Это критическое замечание В. И. Ленина, отвергающее антинаучные концепции гамбургского проф. Егера, является критерием для правильной оценки политики царизма и международной обстановки на Востоке в 1826 г. В то время Россия действительно готовилась к войне против Турции, однако при этом решительно избегала второго фронта на Востоке и потому крайне нуждалась в нейтралитете Ирана. Только для сохранения мира с Ираном в 1826 г. к шаху была направлена миссия Меншикова, которая была вероломно провалена происками английской и турецкой дипломатий, использовавших реваншистские тенденции каджарской клики, а также вторжением иранских войск в Закавказье.

Поддержанные Англией завоевательные планы шахского Ирана и султанской Турции в отношении Закавказья, на которое они никогда не имели прав и которое лишь временно было захвачено иранскими и турецкими войсками во время их

¹ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6964, л. 144.

² АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6963, л. 7.

³ АВПР, ф. МИД, Канц., д. 6963, л. 7 об.

⁴ Ленинский сборник, т. XXIX, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, стр. 351.

завоевательных походов, создавали для народов Закавказья опасность ассимиляции, порабощения, консервации отсталых форм общественной жизни, хозяйственного упадка и потери культурной самобытности. В этой связи советские историки рассматривают две стороны процесса присоединения народов Закавказья к России: содержание этого исторического процесса в условиях первой трети XIX в. и объективно-исторические последствия присоединения Закавказья к России.

Эксплуататорская сущность общественного строя тогдашней России и завоевательная политика царизма на Кавказе не должны мешать правильному пониманию значения экономического, политического и культурного сближения народов в рамках единого централизованного Российского государства и объективно-прогрессивных последствий присоединения Закавказья к России.

Բ. Պ. ԲԱԼԱՅԱՆ

ՄԻՋԱՋԳԱՅԻՆ ՀԱՐԱՐԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԱՐԵՎԵԼՔՈՒՄ
ՌՈՒՍ-ԻՐԱՆԱԿԱՆ ԵՐԿՐՈՐԴ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻ ՆԱԽՕՐՅԱԿԻՆ

Ա մ ֆ ռ ֆ ու մ

Հոդվածում վերլուծվում է նախապատերազմյան լարված վիճակը Իրանում և իշխան Ա. Ս. Մեջլիսի միսիայի միջոցով Իրանի հետ խաղաղություն պահպանելու Ռուսաստանի անհաջող փորձը:

Հոդվածում ցույց է տրվում նաև անգլիական դիվանագիտության և Իրանում իշխող զաջարական արքունիքի ցուցադրական գործունեությունը, որն ուղղված էր ցարական դեսպանի գործունեությունը ձախողելու և Ռուսաստանի դեմ ռևանշիստական պատերազմ հրահրելու նպատակին:

Բալկաններում և Մերձավոր արևելքում միջազգային բարդ հարաբերությունները ներկայացնելուց հետո, հեղինակը մանրամասն խոսում է Արևելքի երկրներում անգլիական դիվանագիտության կոորդինացման ու ներխուժման ձևերի մասին, ցույց է տալիս Ակկերմանում ռուս-թուրքական բանակցությունների և Անգլիայի ու Թուրքիայի սուլթանի՝ Իրանի շահի նկատմամբ դրդողական գործունեության ներքին կապը. (Իրանի՝ Անդրկովկաս ներխուժելու վերաբերյալ):

Հոդվածում ցույց են տրվում նաև անգլո-ռուսական հակասությունները Մերձավոր և Միջին արևելքում ու նրանց կեղծումը ժամանակակից իրանական բուրժուական պատմագրության կողմից: